

ЯЗЫК ИОАННА МОСХА ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Исследователи истории греческого языка традиционно уделяют внимание «Лугу Духовному»¹ Иоанна Мосха (ок. 550–619/34).² Причину этого, вероятно, наиболее ясно выразила Роза Мария Агилар, отметив разговорный характер языка Мосха (конечно, имеется в виду речь исключительно образованных греков того времени).³ В то же время практически общепризнанным является утверждение о том, что «разговорный» среднегреческий известен только начиная с XI–XII в. Следовательно, если признать правоту испанской исследовательницы, необходимо относиться к произведению Мосха, как к редчайшему лингвистическому памятнику, ярко выделяющемуся из всех литературных текстов эпохи. Несмотря на всю соблазнительность подобной гипотезы, она, во всяком случае на первый взгляд, кажется крайне фантастичной: почему агиографическое произведение, написанное по всем канонам жанра,⁴ в языковом отношении разительно отличается от прочих патериков и начинает

¹ «Луг Духовный» был предположительно написан в начале VII в. До нас дошло несколько названий этого произведения: Λεῖμων (иногда с добавлением определения πνευματικός, Λεῖμονάριον (димиутив от Λεῖμων) и Νέος παράδεισος или в латинском варианте *Pratum (spirituale)*. Текст доступен по изданию: Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. Т. 87, 3. Paris, 1857-1866.

² Жизнь Иоанна Мосха, в отличие от авторов большинства патериков, в общих чертах хорошо известна. О ней см.: Chadwick H. John Moschus and his Friend Sophronius the Sophist // *Journal of Theological Studies* 25.2 (1974). P. 41–74; Pattenden P. Johannes Moschus // *Theologische Realenzyklopädie* 17 (1988). S. 140–144. Отдельной проблемой, связанной с биографией Мосха, является вопрос о годе и месте его смерти. См. подробнее: Rozemond K. Jean Mosch, patriarch de Jérusalem en exil (614–637) // *Vigiliae Christianae* 31 (1977). P. 60–67; Follieri E. Dove e quando morì Giovanni Mosco? // *Studi Bizantini e Neoellenici* 25 (1988). P. 3–39; Louth A. Did John Moschos Really Die in Constantinople? // *Journal of Theological Studies* 49.1 (1998). P. 149–154.

³ Aguilar R. M. El sistema de las negaciones en Juan Mosco // *Cuadernos de Filología Clásica* 18 (1983–84). P. 336.

⁴ Образцом для Иоанна Мосха, по-видимому, послужили *Historia monachorum in Aegypto* (ок. 400 г.), *Historia Lausiaca* (Лавсаик) Палладия (419–420 гг.) и *Historia religiosa* Феодорета (ок. 444 г.). См. также: Simón Palmer J. El monacato oriental en el ‘Pratum Spirituale’ de Juan Mosco. Madrid, 1993. P. 48.

отражать особенности разговорной речи, хотя совершенно неизвестно, как говорили греки в IV–X вв.?

Ряд особенностей «Луга Духовного», действительно, позволяет говорить о том, что это не совсем «книжный» текст (по крайней мере, в своих отдельных частях). Прежде всего, это проявляется на уровне лексики, где, во-первых, для обозначения рыбы используется не древнегреческое ἰχθύς, а диалектное ὠψάριον (например, *Migne*, 87.3. 3060D5), позднее перешедшее в новогреческое ψάρι, и, во-вторых, встречается около ста латинских заимствований и калек, относящихся к тем сферам жизнедеятельности, в которых наиболее сильно проявилось западное влияние.⁵ Также можно заметить отдельные отклонения на уровне морфологии, такие как использование количественного числительного и неопределенно-личного местоимения в функции неопределенного артикля, «ошибки»⁶ в употреблении рода имен существительных и в согласовании, «путаница» падежей, стирание различия между аористом и перфектом, появление аналитических форм для времен перфекта и будущего времени.⁷ Впрочем, морфологические отклонения кажутся настолько единичными и бессистемными, что Дж. Хоррокс даже отмечает отсутствие в «Луге Духовном» «грубых ошибок» в морфологии и «ровный характер» текста в языковом отношении.⁸ До некоторой степени он прав, однако в ряде отрывков наблюдается связь стиля и морфологических особенностей текста,⁹ хотя, как уже было сказано выше, это влияние не носит явного систематического характера. По моему мнению, «разговорные» черты в «Луге Духовном» наиболее

⁵ Полный список латинских заимствований и калек с переводом и комментарием приводится в работе: Simón Palmer J. *Latinismos en el léxico del 'Pratum spirituale' de Juan Mosco* // P. Badenas, J. M. Egea (eds.). *Oriente y Occidente en la Edad Media. Influjo bizantino en la cultura occidental*. Vitoria-Gasteiz, 1993. P. 9–21.

⁶ Под термином «ошибка» здесь понимается отклонение от древнегреческой нормы классического периода.

⁷ Очень подробно эти случаи описаны в: Mihevč-Gabroveč E. *Études sur la syntaxe de Joannes Moschos*. Ljubljana, 1960, где, правда, присутствует ряд существенных неточностей и даже очевидных ошибок. Отдельные аспекты морфологии, как мне кажется, удачно описаны в вводной части работы Д. Хесселинга: Hesselning D.-S. *Morceaux choisis du Pré Spirituel de Jean Moschos*. Paris, 1931. P. 49–57.

⁸ Horrocks G. C. *Greek. A History of the Language and its Speakers*. London–New York, 1997. P. 186–187.

⁹ Кисилиер М. Л. Анализ средневековых текстов и социолингвистические факторы (на материале «Луга духовного» Иоанна Мосха) // «Юрьевские чтения». Материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. Выпуск II. 2001 г. СПб, 2002. С. 41–48.

очевидны на уровне синтаксиса. В особенности, это проявляется при рассмотрении закона Ваккернагеля¹⁰ и системы личных безударных местоимений.

В работах, посвященных греческой просодике и синтаксису, неоднократно высказывалось мнение о том, что уже в первые века нашей эры закон Ваккернагеля теряет свою силу, по крайней мере, как принцип расстановки местоименных энклитик.¹¹ Действительно, в «Луге Духовном» можно без труда обнаружить множество примеров, где местоименная клитика оказывается далее второй позиции:¹²

(1) Ὅτε ἦλθον Βάρβαροι εἰς τὴν Σκῆτιν, ἀνεχώρησα, καὶ ἦλθον εἰς τὰ μέρη Γάζης, καὶ ἔλαβόν μοι κελλίον εἰς λάυραν· (*Migne*, 87.3. 2909B4–6).

Местоимение μοι оказывается дальше второй позиции, даже если отсчитывать не от начала предложения, а использовать понятие *колона*, т. е., меньшего единства, «которое во многих отношениях является отражением предложения».¹³ По-видимому, уже в древнегреческом клитики не были однородным классом.¹⁴ Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что только сентенциальные клитики занимали вторую позицию, а внутренние энклитики (напр., μου ‘мой’ и σου ‘твой’) очень редко оказывались на второй позиции в предложении, т. к. их референт в большинстве случаев оказывался и *словоформой-хозяином*, и внутренняя энклитика не могла «оторваться» от определяемого слова. Объектные клитики также далеко не всегда оказывались на второй позиции, хотя они в древнегреческом необязательно стояли рядом с управляющим глаголом.

¹⁰ Напомню, что, согласно этому закону, энклитики, как правило, занимают второе место в предложении.

¹¹ См., напр.: Dunn G. Enclitic Pronoun Movement and the Ancient Greek Sentence Accent // *Glotta* 67 (1989). P. 1–19; Николаева Т. М. Просодия Балкан. Слово — высказывание — текст. М., 1996. С. 18.

¹² Справедливости ради, необходимо отметить, что на подобные случаи с сентенциальной энклитикой δέ указывает и Д. Деннистон, когда эта энклитика может уходить до четвертой позиции. См.: Denniston J. D. *The Greek Particles*. Oxford, 1954.

¹³ Fraenkel E. Kolon und Satz: Beobachtungen zur Gliederung des antiken Satzes 1 // *Nachrichten der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse* (1933). S. 319. См. также: Красухин К. Г. Закон Ваккернагеля и структура индоевропейского предложения // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. № 6 (1997). С. 71.

¹⁴ Это утверждение справедливо и для латыни. Ср.: Adams J. N. *Wackernagel's Law and the Placement of the Copula esse in Classical Latin*. Cambridge, 1994. Особенно гл. I.

Бельгийский исследователь М. Йансе приводит такой пример из Одиссеи (с разделением на колонны):

(2) καὶ οἱ πολλὰ δόσαν / πέμπειν τε μιν / ἤθελον αὐτοὶ (*Od.* XIX. 281).¹⁵

Местоименная клитика μιν является седьмым словом от начала предложения, но занимает вторую позицию в колонне, где оказывается в одной цепочке энклитик с τε.¹⁶

Тем не менее, в примере (1) деление на колонны не совсем помогает: καὶ ἦλθον εἰς τὰ μέρη Γάζης, / καὶ ἔλαβόν μοι κελλίον — местоимение оказывается на третьей позиции. Конечно, сдвиг местоименной энклитики дальше третьей позиции можно объяснить с помощью *Правила барьера* (а в других случаях — *Запретом на разрыв составляющих*),¹⁷ но, мне кажется, основная причина кроется здесь в другом. Если в древнегреческом местоименные клитики были близки к сентенциальным в том плане, что их место в предложении не зависело от других синтаксических элементов, то уже в тексте Мосха можно наблюдать некоторые «правила» их постановки, причем речь в данном случае идет не о позиции местоименных клитик в предложении вообще, а относительно глагола-референта.¹⁸ Это свидетельствует о значительных

¹⁵ Janse M. *Convergence and Divergence in the Development of the Greek and Latin Clitic Pronouns* // R. Sornicola, E. Poppe, A. Shisha Na-Levy (eds.). *Stability and Change of Word-Order Patterns over Time*. Amsterdam, 2000. P. 234.

¹⁶ Цепочка энклитик считается за одну синтаксическую позицию. Внутри цепочки энклитики расставляются в соответствии с *Правилом рангов*, согласно которому в древнегреческом и среднегреческом слабая форма личного местоимения оказывалась после других типов энклитик.

¹⁷ Подробнее см.: Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002. С. 75–76, 84–91. В примере (1) καὶ можно рассматривать как *грамматикализованный барьер*.

¹⁸ Правила позиции местоименных клитик относительно управляющей глагольной формы можно представить в следующем виде: I. Постпозиция встречается (1) всегда, если глагол стоит в начале предложения или колонны; (2) при формах повелительного наклонения; (3) почти всегда при глаголах речевой деятельности (зафиксировано только три исключения); (4) регулярно при глаголах зрительного и чувственного восприятия; (5) обычно, если наблюдается нейтральный порядок слов (т. е., отсутствует ярко выраженная маркированность). II. Препозиция имеет место (1) всегда, если перед глагольной формой стоит усиленное отрицание (οὐ μή, οὐκ ἔτι), наречие οὕτως или другой синтаксический элемент, указывающий на маркированность; (2) когда неглагольный элемент, связанный с местоименной клитикой синтаксически или просодически, маркирован и в

изменениях в просодической системе греческого языка, когда местоименные энклитики постепенно переходят в разряд глагольных,¹⁹ что отражается и на всей системе местоимений.²⁰

Я думаю, что эти особенности «Луга Духовного» свидетельствуют, по крайней мере, о том, что перед нами уже не древнегреческий текст, причем имеющиеся в нем отклонения не являются случайными «ошибками» автора или переписчика. Однако возникает другой вопрос: *неужели морфология и синтаксис других патериков коренным образом отличаются от «Луга Духовного»?* Чтобы ответить на этот вопрос, я решил сопоставить текст Мосха с «Лавсаиком» Палладия. Во многих отношениях этот текст напоминает «Луг Духовный». В частности, можно отметить такой момент: вводная часть в обоих случаях намного архаичнее с точки зрения морфологии и синтаксиса, чем основное повествование. В то же время Д. Хесселинг определяет язык «Лавсаика» как менее простой, чем у Мосха, и, скорее, похожий на вычурный язык ритора.²¹ Действительно, этот тезис как будто подтверждается, например, тем, что, говоря о себе, Мосх использует 1 л., а Палладий иногда — 3 л., вероятно, ориентируясь на Евангелия. Вместе с тем К. Морманн в начале предисловия к итальянскому изданию «Лавсаика»²² справедливо отмечает, что патерики были, если использовать современную

результате действия эмфазы сдвигается в начало предложения или колонна; (3) регулярно, если местоименная клитика управляется инфинитивом, зависящим от личной формы глагола, находящейся перед ним на минимальной синтаксической дистанции.

¹⁹ Ср. с утверждением Т. М. Николаевой о том, что греческий этого периода представляет собой третий этап просодической эволюции — постсловный, т. е., «когда фразово-просодической единицей оказывается фрагмент, больший, чем слово, а мелодические контуры становятся все более четко очерченными и глобальными». См.: Николаева Т. М. Просодия Балкан. Слово — высказывание — текст. М., 1996. С. 15.

²⁰ В частности, в тексте Мосха заметно функциональное разделение на сильные и слабые формы у двусложных местоимений (3 л. и 1, 2 л. мн. ч.). Эти местоименные дополнения, в целом, располагаются относительно глагола-рефента почти по тем же правилам, что и формы 1, 2 л. ед. ч. См. подробнее: Кисилиер М. Л. Особенности языка Иоанна Мосха (Закон Ваккернагеля и местоименные клитики в тексте позднего койне). Автореферат кандидатской диссертации. СПб., 2003. С. 23–24.

²¹ Hesselning D.-S. *Op. cit.* P. 10.

²² Palladio. *La storia Lausiaca*. Introduzione di Ch. Mojhrmann. Testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink. Traduzione di M. Barchiesi. Fondazione Lorenzo Valla, Arnoldo Mondadori editore, 1985. P. ix. Цитирование проводится по этому изданию.

терминологию, бест-селлерами.²³ Мне кажется, что, помимо сюжета, читателей (и слушателей) также привлекала простота и доступность языка и, далеко не в последнюю очередь, синтаксиса. Даже поверхностное знакомство позволяет обнаружить, что в обоих текстах практически не встречаются длинные предложения, а синтаксически связанные слова располагаются по возможности рядом.

Чтобы подтвердить (или опровергнуть) типичность языка Мосха, я хочу сравнить особенности местоименных клитик (личные формы) в обоих текстах, вернее, проверить приложимость правил, сформулированных на материале «Луга Духовного» к тексту Палладия (см. сн. 18). Прежде всего, следует отметить, что базовым порядком в «Лавсаике» следует считать постпозицию местоименной клитики, т. к., во-первых, таких примеров значительно больше, во-вторых, постпозиция всегда контактна, за исключением тех случаев, когда слабая форма местоимения является компонентом цепочки клитик и ставится в соответствии с *Правилом рангов* (см. сн. 16):

(3) Παρέδωκε δέ με (*Laus.* 2.1).²⁴

и, в-третьих, неинформативность местоименных клитик в постпозиции, где они, по-видимому, заполняют пустующие валентности глагола:

(4) Ὁ θεὸς δῶν σοι τὸν μίσθον (*Laus.* 10.14–5).

Местоименное дополнение здесь плеонастично, т. к. из контекста и без того ясен адресат действия.

Постпозиция регулярна²⁵ при императиве (δέξαι με (*Laus.* 18.108)), глаголах речевой деятельности (διηγῆσάτο μοι (*Laus.* 3.2)) или, если синтагма VP находится в начале предложения (см. пример.(3)).

²³ Об этом, например, свидетельствует тот факт, что до нас дошло свыше 145 рукописей, содержащих текст полностью или частично (см.: Patten-den P. Some Remarks on the Newly Edited Text of the 'Pratum' of John Moschus // *Studia Patristica* 18.2 (1989). P. 45), а также рано появившиеся переводы на другие языки: в частности, славянская версия, известная под названием «Синайский патерик» (изд.: Голышенко В. С., В. Ф. Дубровина. Синайский патерик. М., 1967), ориентировочно датируется уже X в., однако есть версии, что этот перевод был сделан не непосредственно с оригинала, а с болгарского перевода (подробнее: Van Wijk N. Das gegenseitige Verhältnis einiger Redaktionen der Andron hagion biblos und die Entwicklungsgeschichte des Mega Leimonarion. Amsterdam, 1933; Van Wijk, N. Einige Kapitel aus Johannes Moschos // *Zeitschrift für slavische Philologie* 10 (1933). S. 60–66).

²⁴ При нумерации, указывается номер главы и номер строки.

²⁵ Степень обязательности влияния этих требует дополнительного исследования.

Препозиция, в основном, связана с маркированностью, когда в результате действия эмфазы управляющий глагол (маркированный компонент высказывания) сдвигается в рамках VP:

(5) «Τίνος ἔνεκεν τοῦτο πεποίηκας;» ἀπεκρίνατο· «Ἵνα σε / μὴ βαρῆσω» (*Laus.* 10.58–59).

Интересно, что позиция местоименной клитики в подобной ситуации колеблется. Немного ниже в той же истории встречается Ἵνα μὴ σε βαρῆσω (*Laus.* 10.61). Автор, скорее всего, колеблется, куда поставить местоименную клитику — на ваккернагелевскую позицию или вплотную перед управляющим глаголом. Показательно, что нередко в тексте «Лавсаика» (что, кстати, практически не встречается у Мосха) препозиция местоимения может быть вызвана в основном просодическими причинами:

(6) ῥῖψον με / ὅπου με εὔρες (*Laus.* 21.45–46).

Я склонен считать, что эти сходства и различия неслучайны. Они свидетельствуют не только о том, что данное исследование далеко от завершения и требует более детального описания, которое бы позволило более точно сопоставить тексты Мосха и Палладия, но и о том, что и язык «Лавсаика» и язык «Луга Духовного» находятся примерно в одной социолингвистической «нише» и до определенной степени отражают процессы, происходившие в греческом той эпохи, по крайней мере, настолько, насколько эти процессы проявлялись в языке образованных людей. Не стану скрывать: некоторые различия между двумя текстами существенны, например, очевидное влияние закона Ваккернагеля на позицию местоименных клитик в «Лавсаике» или «поведение» в том же тексте двусложных местоименных форм, которые здесь, в отличие от «Луга Духовного», с трудом поддаются сопоставлению, хотя бы функционально, с безударными местоименными дополнениями 1 и 2 л. ед. ч. (см. сн. 20). Однако, это свидетельствует не о стилистическом различии между двумя текстами, а демонстрирует развитие раннего новогреческого синтаксиса в диахронии.

И. И. Ковалева

О КОМПОЗИЦИИ «ТРУДОВ И ДНЕЙ»

Поэма Гесиода «Труды и дни» остается одним из наиболее трудных для восприятия произведений античной литературы. Для современного читателя она распадается на ряд ярких мифологиче

ских образов – Прометей, крадущий у Зевса огонь; «ящик Пандоры»; «миф о золотом веке» (точнее, рассказ о пяти поколениях, который Гесиод, точно издеваясь над своими позднейшими комментаторами, именуется «логосом»), – на биографические фрагменты, из которых наука давным-давно монтирует «первую исторически достоверную» биографию поэта, – и на серию практических советов, по большей части для нас уже невразумительных. Композиция «Трудов и дней» взору современного читателя представляется вполне бессвязной – тем сильнее соблазн для исследователя попытаться обнаружить в ней нечто более стройное, чем просто цепочку ассоциаций. В разное время к этой проблеме обращались такие выдающиеся знатоки, как О. М. Фрейденберг, М. Вест, Г. Надь, П. Видаль-Накэ, Ж.-П. Вернан.

Мы, в свою очередь, исходим из того, что применительно к архаическому тексту понятие «композиции» обретает иной смысл, что архаическому тексту может быть свойствен иной способ организации. Внимательное чтение «Трудов и дней» показывает, что Гесиод определяет свой род творчества как «гимн» (ст. 662), и если большинство исследователей считают гимном к Зевсу лишь небольшой прооймион (ст. 1-10), мы полагаем, что вся поэма представляет собой гимн в честь правосудия Зевса – или, на мифологическом языке Гесиода, *Зевсовой Дике* – проявляющемуся в том, что Зевс награждает соблюдающих $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$, посылая им всякого рода процветание, и карает преступающих ее различными бедствиями. Отдельные части поэмы – это примеры поведения, соответствующего $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ и ведущего к благоденствию, и примеры поведения, нарушающего $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ и приводящего к бедствиям. Весь текст поэмы пропит – и скреплен – упоминаниями $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ в самых разных оттенках значения (решение, суд, воздаяние, тяжба, правосудие и т.д.), а также связанными с $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ 1) оппозицией $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ «прямого/кривого» в специфическом значении «правосудного/неправосудного», и 2) темой «пропитания»-«богатства»-«счастья», обусловленного соблюдением $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ и волей Зевса. В статье «Проблема греческого фольклорного языка» О. М. Фрейденберг пишет: «Первобытное языковое мышление...создавало своеобразную конструкцию, лишенную причинно-следственного ряда и состоявшую из ритмических и фонетических редупликаций одних и тех же значимостей... Со стороны лексики фольклорный язык характеризуется тем, что состоит из единой фонетико-семантической ткани... это целые фразы, организованные одним и тем же фонетико-смысловым комплексом.»¹ В качестве примера такого комплекса Фрейденберг приводит 354 –

¹ См. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности, с. 540 – 541.

355 стихи «Трудов и дней», разворачивающие комплекс DO – в блестящем переводе Вересаева переданные как

Только дающим давай, ничего не давай недающим.

Всякий дающему даст, недающему всякий откажет.

– и на комплекс "erg – erd – eld" в ст. 382 – 384.

Этот список можно было бы продолжить (яркие примеры – хотя бы 270 – 272, 334 – 335, 352, 353). Можно даже сказать, что все «наставления» Гесиода построены по этому принципу. Но можно сказать и больше – вся поэма «Труды и дни» построена на «редупликации... одной и той же значимости». Композиция «Трудов и дней» – глубоко архаическая, это не «конструкция», но «плетение» словесной ткани, восходящее к древнейшей словесной магии первобытного заклинания. И как заклинание имеет целью или благоденствие дружественного адресата, или несчастье противника, так и поэма Гесиода нацелена на «счастье» (ὄλβος), «богатство» (πλοῦτος) и изобилие «пропитания, запасов» (βίος, βίωτος) того, кто покорен Зевсу, соблюдает правила благочестия – и слушается наставлений Гесиода о том, как по возможности (καὶ δύνασιν, 336) достичь того процветания и блаженства, которое еще доступно смертным за пределами «золотого века»; но эта «заклинающая» поэма постоянно напоминает о том, что она может обернуться второй, темной стороной, напоминает об участии, ожидающей слушников и нарушителей правил. Способ организации текста в «Трудах и днях» – *мифологический*, многообразные сюжеты и темы объединяются одним *мифологическим именем*, которое в данном случае интересует Гесиода. *Зевсова Дике* является в поэме в самых разнообразных ситуациях – от Девы Правды, жалующейся Зевсу на злодеяния смертных, до ситуаций суда – правого и неправого, и до того, что есть «правое» и полезное и, напротив, «неправое» и вредное в земледелии, мореходстве, управлении домом и т.п. Но это деление на «Дике-Правду» и «дике-суд» и т.п. происходит в современном языке и в современном сознании: в языке же и сознании Гесиода такого деления не было и, соответственно, текст поэмы воспринимался как единое целое в значительно большей степени, чем это доступно сегодняшнему читателю.

И. И. Ковалева

КТО ТАКАЯ ИОПА?

О. А. Седаковой

Эзра Паунд не однажды обращался к творчеству Проперция и, в частности, в книге «*Canzoni*» сделал переложение одной из элегий, нумерация которой по старому Тойбнеровскому изданию (ко

торым пользовался Паунд) – III, XXVI, а по изданию Loeb Classical Library (7th ed., 1958) – II, XXVIII а. (Перемещение из книги в книгу и выделение некоторых строк во фрагмент XXVIII а сделано Лахманном). Эта же элегия использована Паундом, в сильно переработанном виде, в его знаменитом «Приношении Проперцию». Приведем здесь стихотворение из книги «Canzoni»:

Prayer for his Lady's Life

From Propertius, *Elegiae*, Lib. III, 26

Here let thy clemency, Persephone, hold firm,
Do thou, Pluto, bring here no greater harshness.
So many thousand beauties are gone down to Avernus
Ye might let one remain above with us.

With you is Iope, with you the white-gleaming Tyro,
With you is Europa and the shameless Pasiphae,
And all the fair from Troy and all from Achaia,
From the sundered realms, of Thebes and of aged Priamus;
And all the maidens of Rome, as many as they were,
They died and the greed greed of your flame consumes them.

*Here let thy clemency, Persephone, hold firm,
Do thou, Pluto, bring here no greater harshness.
So many thousand beauties are gone down to Avernus
Ye might let one remain above with us.*

Паунд довольно точно воспроизводит вынесенную в эпиграф элегию, разве что путает Феба, упомянутого Проперцием, с Фивами, и вводит повтор первых четырех строк, чего не было у Проперция. В этой элегии речь идет о жестокости Персефоны и Плутона, держащих в своей власти множество красавиц, и большая часть текста состоит из перечисления этих красавиц – мифических героинь, начиная с Иопы (стихи 52 – 53 по Loeb'у):

vobiscum est Iope, vobiscum candida Tyro,
vobiscum Europe nec proba Pasiphae...

Интересно, что у английского поэта XVI в. Томаса Кэмпiona есть стихотворение «Vobiscum est Iope», представляющее собой не переложение Проперция, но, скорее, «размышление на заданную тему»; Паунду это стихотворение, вероятно, было известно (благодарим А. В. Нестерова, указавшего нам на этот факт).

Кто такие Тиро, Европа и Пасифая, хорошо известно. Но кто такая Иопа? Индекс мифологических имен, приложенный к изданию Loeb'a, предлагает двух Иоп – амазонку Антиопу, жену Тесея, и мать Андромеды, более известную под именем Кассиопеи. Однако, если сопоставить текст Проперция с XI-й песнью «Одиссеи», мы обнаружим вероятный образец Проперциева списка героинь (Od. XI, 255 – 330). Одиссей в царстве мертвых видит тени супруг и

дочерей героев, причем характерно, что начинается перечень с упоминания имени Персефоны, выславшей тени героинь к Одиссею (XI, 256): и Проперций начинает с Персефоны, тогда как владыка подземного мира назван описательно – *Persephonaе coniunx*; отметим здесь, что Паунд слегка трансформирует этот мотив, называя латинское имя Плутона. Список Одиссея пространен, ибо каждое упомянутое имя сопровождается рассказом о предках, браках и потомках героини, – но составляют его во многом те же имена, что у Проперция (т.е., разумеется, у Проперция те же, что у Гомера): первой названа Тиро (235), затем – Антиопа, дочь Асопа, возлюбленная Зевса (260). Далее следуют Алкмена (266) и Мегара (269) – мать и супруга Геракла, Эпикаста, мать Эдипа (271), мать Нестора Хлориды (281), Леда (298), Ифимедея (305), Федра, Прокрида, Ариадна и еще несколько имен, названных почти скороговоркой, без подробного рассказа об их деяниях (321 – 327). У Проперция этот список редуцирован до одной строки:

et quot Troia tulit vetus et quot Achaia formas... (53)

Одиссей, правда, перечисляет ахейских, а не троянских героинь – но и Проперций пишет не перевод, а от троянок ему легче перейти к интересующим его римлянкам (*et quaecumque erat in numero Romana puella, 55*). Но Персефона, Тиро и Иопа в начале списка Проперция соответствуют Персефоне, Тиро и Антиопе в перечне Одиссея. Значит, Проперциева Иопа – не амазонка и не мать Андромеды, но Антиопа – мать Амфиона и Зета, строителей Фив (Od. XI 260 – 265). С ее именем, помимо литературных источников, связан знаменитый памятник античного изобразительного искусства – так называемый Фарнезский бык: ее сыновья Зет и Амфион привязывают к рогам дикого быка притеснявшую их (а по одной из версий мифа – их мать Антиопу) царицу Дирку. Зет и Амфион, силач и музыкант, строившие стены Фив физическим усилием и магией лиры – своего рода античные образы *vita activa* и *vita contemplativa*. Популярность этого мифа сделала популярной Антиопу, заставив Гомера – Проперция – Кэмпиона – и Паунда – включить ее имя в список самых знаменитых мифологических героинь.